

Научная статья

УДК 316.346.2+316.334.2+316.47

DOI 10.18101/2949-1657-2025-1-11-20

**Про любовь и не только: романтические знакомства,
партнерские практики и брачные стратегии мигрантов
из Центральной Азии**

© Винокурова Анна Викторовна

кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник,

Дальневосточный федеральный университет

Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10, кампус ДВФУ

vinokurova.av@dvfu.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются основные социальные практики, характеризующие романтические знакомства, партнерские и брачные отношения мигрантов из Центральной Азии, проживающих в дальневосточных регионах, с местными жительницами. Исследование выполнено с опорой на качественную методологию, основной метод сбора данных — неформализованное интервью. Также был использован статистический анализ, вторичный социологический анализ. Полученные результаты показали, что распространение получают нестандартные, гибкие формы отношений. Традиционные формы брачных отношений утрачивают силу, пластичная интимность становится доминирующей моделью. Отношения мигрантов из центральноазиатских государств с местными жительницами выстраиваются в разных культурных системах и при разной степени включенности в принимающее сообщество.

Ключевые слова: партнерские практики, брачные стратегии, интимная мобильность, миграционные процессы, иностранные мигранты, местное сообщество, Центральная Азия, Дальний Восток.

Для цитирования

Винокурова А. В. Про любовь и не только: романтические знакомства, партнерские практики и брачные стратегии мигрантов из Центральной Азии // Восточный вектор: история, общество, государство. 2025. Вып. 1. С. 11–20.

Введение

Личные и семейные отношения мигрантов долгое время оставались на периферии академического интереса. В то время как вопросы занятости, легализации, адаптации и взаимодействия с институтами принимающего сообщества активно исследуются, аспекты, связанные с интимной сферой жизни мигрантов, рассматриваются фрагментарно, преимущественно через призму патриархальных установок и религиозных практик. Между тем романтические знакомства, партнерство и брак играют важную роль не только в повседневной жизни мигрантов, но и в процессах их социальной интеграции, выстраивания устойчивых связей с местным населением и укоренения в принимающих регионах. Это приобретает особое значение в условиях пространственной удаленности, культурного многообразия и демографической специфики дальневосточных российских регионов.

Исследования, посвященные иностранной трудовой миграции из стран СНГ, включая государства Центральной Азии, в значительной степени сосредоточены на анализе процессов макроуровня. В центре внимания находятся такие аспекты,

как вклад миграции в пространственное и демографическое развитие регионов Дальнего Востока, ее роль в восполнении дефицита трудовых ресурсов, а также влияние на национальную безопасность [см., например: 8; 5; 9].

В то же время работ, ориентированных на мезо- и микроуровень анализа, заметно меньше. Исследования, фокусирующиеся на поведенческих стратегиях, ценностных ориентациях и повседневных практиках мигрантов из Центральной Азии в конкретных региональных сообществах, представлены единично. В частности, если смотреть по публикациям региональный срез на Востоке России, то основной акцент делается, как правило, на вопросах адаптации и социальной интеграции мигрантов в территориальных субъектах Сибири и Дальнего Востока [см., например: 7; 2; 4; 12]. Исследования, затрагивающие повседневную жизнь мигрантов, чаще сосредоточены на религиозных установках и бытовых практиках [см., например: 3; 1], в то время как тема интимных отношений остается практически неразработанной.

В данной статье мы попытаемся частично восполнить этот пробел, сосредоточившись на анализе того, как мужчины-мигранты из Центральной Азии выстраивают романтические, партнерские и брачные отношения с местными жительницами в принимающем дальневосточном сообществе.

Теоретическая рамка исследования

Теоретическая основа исследования опирается на следующие подходы. Во-первых, отметим одну из самых ранних концепций, объясняющих интересующее нас явление, — это теория социального обмена [см. подробнее: 13; 16]. Согласно ей, в основе партнерского выбора лежит принцип взаимной компенсации ресурсов между представителями различных социальных групп. Если один из партнеров принадлежит к доминирующему большинству (местное население), а другой — к группе с ограниченными социальными и правовыми возможностями, то решение о вступлении в брак может опираться на компенсаторные механизмы. В частности, статусное «неравенство» в этнической принадлежности может уравновешиваться другими значимыми характеристиками, например, высоким экономическим положением или уровнем образования и т. п.

Во-вторых, мы опирались на теорию пластичной интимности Энтони Гидденса [6]. Под пластичной интимностью подразумевается форма близких (чаще всего романтических и сексуальных) отношений, в которой интимность становится более гибкой, индивидуализированной и менее связанной с традиционными нормами; отношения строятся в большей степени ради личного удовлетворения и эмоциональной связи; партнеры вступают в отношения исходя из идеи, что союз должен продолжаться, пока он приносит обоим удовлетворение, и может быть завершен, если этого больше не происходит. Это приводит к тому, что идет ослабление роли традиций, появляется множество форм партнерства (сожительство, гостевые браки, различные формы полиаморных отношений, параллельные семьи, разделенные семьи и пр.). Возникает некое противоречие между желанием стабильности и желанием свободы. Люди хотят и близости, и независимости, что делает отношения более гибкими, но и более нестабильными.

Отдельно отметим концепт «интимная мобильность» [см. подробнее: 15; 14]. Использование указанной аналитической конструкции делает видимыми те формы перемещения, которые традиционно считались «личными» или «второстепенными», например, по сравнению с трудовой или образовательной миграцией.

Также категория «интимная мобильность» помогает исследовать влияние миграции на интимную и эмоциональную сферу жизни и то, как интимность сама влияет на миграционные решения. И, конечно же, дает нам язык для описания сложных, гибридных, часто нестабильных партнерских отношений, в том числе в транснациональном и межкультурном контексте.

В целом объединение идей, представленных через призму социального обмена, пластичной интимности и интимной мобильности, позволит рассмотреть практики романтических знакомств, партнерских и брачных отношений как результат взаимодействия социальных ограничений, индивидуальных стремлений и мобильности.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили многолетние проекты, так или иначе связанные с исследованием вопросов миграции¹. В большей степени мы опирались на качественную методологию. Основной метод сбора данных — неформализованное интервью. Всего в нашем архиве имеется более ста разнообразных интервью, проведенных в период 2019–2024 гг. как с самими мигрантами, так и с теми, кого можно позиционировать как экспертов: работодатели, обеспечивающие мигрантов из стран Центральной Азии рабочими местами; религиозные деятели (имамы мечетей и их помощники); теоретические эксперты, работающие в русле интересующей нас проблематики (научные сотрудники академических структур, преподаватели вузов), представители органов региональной власти и местного самоуправления, общественных организаций. Анализ полученных в ходе интервью данных проводился в логике «обоснованной теории» [11] с акцентом на практики знакомств, партнерские отношения и брачные стратегии информантов из числа мигрантов. Кодирование проводилось в программе MAXQDA.20.

Основные результаты

Мигранты из Центральной Азии на Дальнем Востоке: социально-демографический портрет

Подавляющее большинство внешних иностранных мигрантов, прибывающих в регионы Дальневосточного федерального округа (ДФО), — это выходцы из стран СНГ. По последним имеющимся у нас данным, в 2023 г. на Дальний Восток прибыло 48,9 тыс. иностранных мигрантов, из них на долю граждан госу-

¹ См. подробнее:

2019–2021 гг. — проект РФФИ № 19-011-00768 «Жизнь на фронтире: миграции и мобильности в приграничье». URL: <http://search.rfbr.ru/#> (дата обращения: 15.03.2025). Текст: электронный.

2020–2023 гг. — проект РФФИ №20-511-44003 «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР». URL: <http://search.rfbr.ru/#> (дата обращения: 15.03.2025). Текст: электронный.

2021 г. — проект РФФИ №21-011-31377 «Дальний Восток: уехать “куда” или “откуда”». URL: <http://search.rfbr.ru/#> (дата обращения: 15.03.2025). Текст: электронный.

2023–2024 гг. — грант РНФ № 23-28-01113 «Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодежи». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01113/> (дата обращения: 15.03.2025). Текст: электронный.

дарств ближнего зарубежья приходится 84,7%¹. Наибольшее число мигрантов прибывает в дальневосточные регионы из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана (рис. 1).

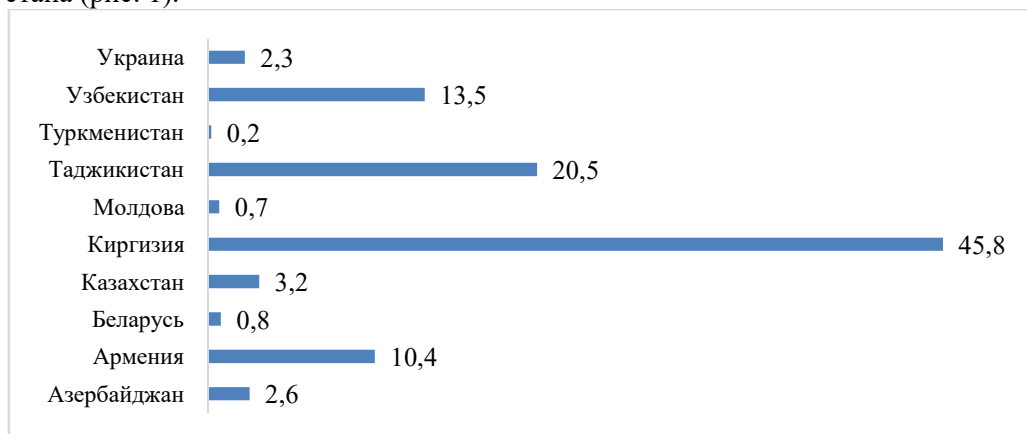

Рис. 1. Доля мигрантов, прибывших в субъекты ДФО из стран СНГ, %²

Лидерами по приему мигрантов из этих государств среди территориальных образований Дальневосточного федерального округа являются Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Сахалинская область и Приморье (рис. 2).

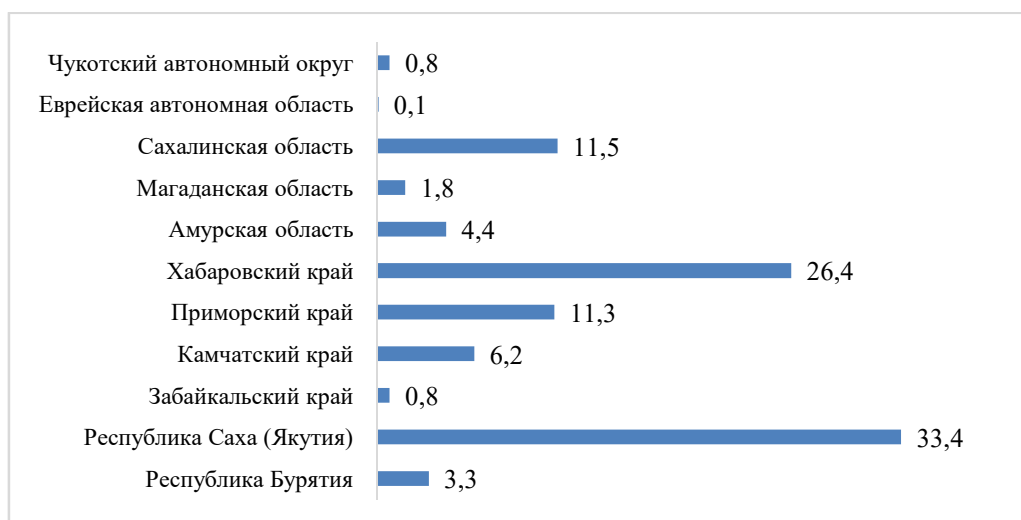

Рис. 2. Субъекты ДФО — лидеры по приему мигрантов из стран СНГ, %³

Дополним, что среди представителей мигрантского сообщества основная доля приходится на мужчин молодого возраста (согласно классификации ВОЗ это ка-

¹ Приводится по: Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа / Восточный центр государственного планирования. Москва, 2024. 48 с. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1608-2024_demografija_dajdzhest.pdf?ysclid=m907bfwa15380585962 (дата обращения: 17.02.2025). Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

тегория 18–44 года). По данным наших исследований мужчины от общего числа мигрантов из стран Центральной Азии на Дальнем Востоке составляют 87,5%, из них молодежь — 77,3% (рис. 3).

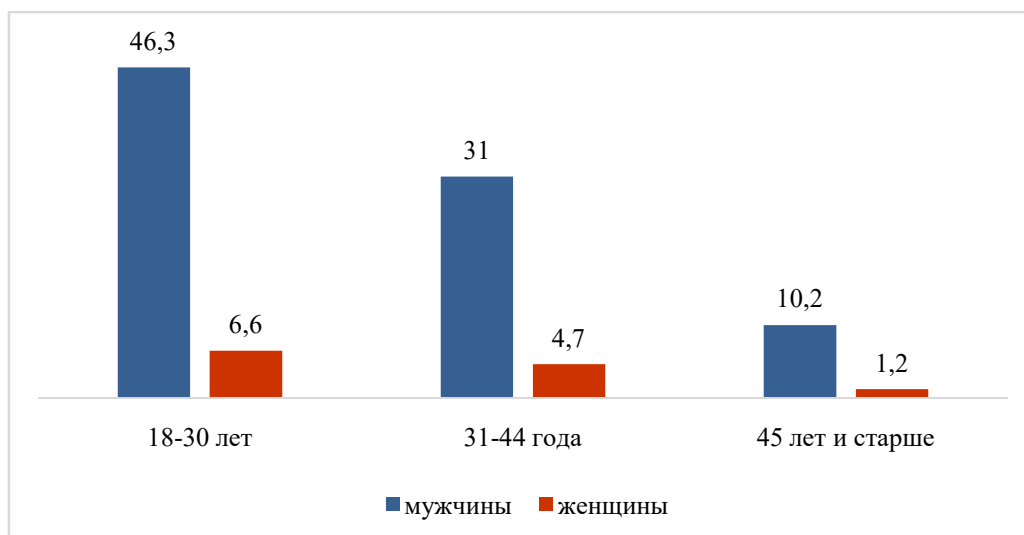

Рис. 3. Половозрастной состав мигрантов из стран Центральной Азии на Дальнем Востоке, %¹

Таким образом, миграционный поток в регионы Дальнего Востока в значительной степени формируется за счет мигрантов из государств СНГ, в первую очередь из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Ключевыми центрами притяжения для выходцев из государств Центральной Азии выступают такие субъекты ДФО, как Якутия, Хабаровский и Приморский края, Сахалинская область. Основной мигрантский контингент — это молодые мужчины, что свидетельствует о ярко выраженной гендерной и возрастной специфике миграции.

Мигранты и местные: пространства и успешность романтических знакомств

В основном мигранты из стран Центральной Азии знакомятся с местными жительницами на работе и там, что можно назвать бытовыми пространствами. Работа, особенно если это сфера услуг, ЖКХ, строительство, агросектор, довольно популярное пространство для завязывания контактов, поскольку именно здесь происходит регулярное взаимодействие с местными женщинами, особенно с теми, кто занимает позиции управления, учета, обслуживания:

Мы с ней вместе работали здесь на складе... Сначала просто общались, так словом перекинуться — кто откуда, как тут живет, давно ли здесь. Потом на выходных стали вместе гулять, ходили в кафе... Тут все так — сначала работа, потом уже отношения (муж., 29 лет, гражданин Узбекистана, проживает во Владивостоке, работает на оптово-розничной базе).

Я с ней познакомился на работе, мы работаем в одном супермаркете, я охранник, она на кассе... Сначала просто шутили, могли пообщаться во время пе-

¹ Приводится по: [10].

рерыва, потом кофе попили, потом встречаться начали... Ну а где еще знакомиться? Только на работе (муж., 21 год, гражданин Таджикистана, проживает в Хабаровске, работает на предприятии розничной торговли).

Также взаимодействие может происходить через соседство, есть возможности для общения на рынке, в магазинах, такси, общественном транспорте. Общение может начаться с бытовой помощи и перерасти в личное:

Я работаю на рынке, мы продаем овощи, фрукты, всякое такое... И много постоянных покупателей. Иногда девушки сами спрашивали, откуда я, женат ли. С одной из них так общались, потом стали встречаться (муж., 31 год, гражданин Таджикистана, проживает в Находке, работает на продуктовом рынке).

Я подвозил девушку несколько раз, сначала просто как клиентку, но она всегда садилась на одно и то же место, говорила вежливо, улыбалась... Потом как-то спросила, откуда я, начали разговаривать... Потом она предложила пойти в кофейню, так начали встречаться (муж., 28 лет, гражданин Узбекистана, проживает в Находке, работает в такси).

Квартира, которую снимаем, на одном этаже с ее квартирой... Все началось с того, что она попросила помочь отремонтировать дверь (муж., 34 года, гражданин Узбекистана, проживает в Улан-Удэ, работает в строительно-ремонтной компании).

Социальные сети и мессенджеры гораздо более важный канал, особенно для молодого поколения:

Через интернет познакомились... Я выложил фото, она написала комментарий. Начали переписываться, оказалось, что живем в одном районе. Так и пошло. Сейчас же все через интернет — на улице никто не знакомится почти (муж., 28 лет, гражданин Кыргызстана, проживает в Якутске, работает врачом-ординатором).

Я зарегистрировался на мусульманском сайте, потому что не хотел просто развлечений. Хотел найти девушку для семьи, по исламу... Нашел девушку из Татарстана, мы много общаемся, думаем о никахе (муж., 20 лет, гражданин Таджикистана, проживает в Хабаровске, совмещает учебу в вузе с работой в общепите).

Все наши информанты единодушны в том, что в виртуальной среде проще преодолеть барьеры, которые могут возникнуть при непосредственном общении с местными девушками, например, языковые, статусные, культурные.

Гораздо реже знакомятся в местах досуга (кафе, клубах и т. п.):

У нас есть пара мест... Ну такое... Вроде клубов, хотя до полноценных клубов им очень и очень далеко... Туда ходят ребята с работы, те, кто работает у меня на стройке. И местные девушки туда тоже приходят, кто-то просто отдохнуть, а кто-то именно чтобы познакомиться (муж., 35 лет, проживает в Якутске, директор строительной компании, в которой мигранты работают по найму).

Да, такое бывает. Я работаю в такси, часто подвожу девушек в бары, рестораны, ночные клубы. Есть места, где и наши парни собираются... Просто пообщаться, познакомиться с местными девушками, все-таки все молодые... Лично я не очень это одобряю, но, может, мне проще, так у меня жена здесь (смеется. — Прим. авт.) (муж., 29 лет, гражданин Узбекистана, проживает во Владивостоке, совмещает работу в такси с работой в автосервисе).

Как правило, если такие знакомства с местными жительницами происходят, то чаще у более «адаптированных» мигрантов, например, это могут быть иностранные студенты или те, кто просто довольно продолжительное время проживает в регионе прибытия/назначения.

Также имеются случаи, когда некоторые знакомства происходят на этнокультурных мероприятиях (национальные праздники, межкультурные фестивали и пр.):

На Наврузе познакомилась, я участвовал в концерте, она пришла с подругами. После выступления подошли поговорить, сначала просто общались, потом уже начали переписываться, встречаемся (муж., 22 года, гражданин Таджикистана, проживает в Хабаровске, совмещает учебу в вузе с работой в такси).

Был фестиваль культур в университете, я представлял нашу страну, она подошла, стали говорить про традиции, потом в соцсетях списались, так и началось общение (муж., 29 лет, гражданин Таджикистана, проживает в Хабаровске, работает специалистом в молодежном вузовском центре).

Как видим, романтические знакомства мигрантов из стран Центральной Азии с местными жительницами чаще всего происходят в тех физических пространствах, где возможно регулярное или периодическое неформальное взаимодействие: на работе, по месту жительства, в магазинах, на рынках, в транспорте, реже — в местах досуга. Для молодого поколения все более значимыми становятся цифровые платформы: социальные сети, мессенджеры, мусульманские сайты знакомств, позволяющие преодолевать культурные и языковые барьеры.

На успешность знакомств во многом влияет языковая компетентность, подразумевающая не только относительно хорошее знание русского языка, но и умение шутить, вести диалог. Не менее важна культурная гибкость, т. е. способность понять нормы принимающего сообщества, например, ролевые ожидания, касающиеся отношений между мужчинами и женщинами. Также успешность и «результативность» романтических знакомств мигрантов с местными жительницами определяется социальным капиталом. Здесь имеется в виду наличие у мигрантов контактов как с теми, кто сам является представителем мигрантского сообщества, но давно живет в регионе, так и с теми, кто сам «местный». Они могут познакомиться, поддержать, объяснить «как здесь принято».

Основные формы партнерских практик и брачных стратегий мигрантов из Центральной Азии

Часть мужчин-мигрантов рассматривает знакомство с местными жительницами как шаг к интеграции. Через партнерство и создание семьи они укрепляют свое положение, их социальный статус становится более высоким:

Я же здесь давно уже, с 1992 года... Что первая жена, с ней развелся, что вторая — русские... Ну как-то так сложилось, не знаю... Да и проще было на первых порах, ее родители помогли с маленькими детьми, быстро получили прописку, оформил гражданство, раньше проще с этим было... А вот сын уже не хочет жениться на русской, хочет жениться на мусульманке, необязательно, чтобы узбечка, можно и из Дагестана, например... Он хотел как раз на такой жениться, но ее родители не согласились ее выдать за него (муж., 53 года, уроженец Узбекистана, проживает в Хабаровске, руководитель строительной ремонтной компании).

Я женат уже три года, за это время лучше освоил язык, да и вообще стало все проще, и на работе, и в быту, но в Таджикистане мы жить не будем, там

сложнее ей будет, да и я здесь привык, думаю продолжить учебу дальше, получить гражданство (муж., 29 лет, гражданин Таджикистана, проживает в Хабаровске, работает специалистом в молодежном вузовском центре).

Другие ориентированы на временные отношения или романтические связи без оформления брака:

Да, конечно, я деньги перевожу, звоню туда (в Узбекистан — прим. авт.) жене, детям, летом планирую съездить на родину, но она (местная жительница — прим. авт.) больше мне жена, чем та, которая там» (муж., 35 лет, гражданин Узбекистана, проживает во Владивостоке, работает на стройке).

Ну в целом, так жизнь легче, получше с работой, меньше расходов, да и вообще все становится как-то проще и понятнее (муж., 34 года, гражданин Узбекистана, проживает во Владивостоке, работает управляющим в общепите).

Как видим, в такой ситуации мужчина-мигрант имеет больше предпочтений, чем его фактическая жена-россиянка. Женщины, состоящие в подобных союзах, часто подвергаются осуждению со стороны своих родственников, других представителей ближайшего окружения.

Нередки ситуации, когда формируются «теневые» формы партнерства — вне брака, без регистрации, но с достаточно устойчивые:

Не знаю, как объяснить, но это сразу видно, если кто-то из молодых начинает встречаться с местными девушками, особенно если начинают вместе жить, старики это не одобряют. Сразу возникают разговоры: «нужно делать никах»... Появляются какие-то обязательства, родители могут быть против... Поэтому, честно говоря, многим проще обращаться к женщинам, которые, скажем так, не предъявляют требований. Все по принципу «деньги — услуга — никаких последствий». Такое, конечно, никто не афиширует (муж., 29 лет, гражданин Узбекистана, проживает во Владивостоке, работает в такси).

Данный пример хорошо иллюстрирует, что подобные случаи чаще всего возникают из-за социальных и культурных барьеров.

Таким образом, партнерские и брачные отношения центральноазиатских мигрантов с местными жительницами занимают важное место в процессе их социальной адаптации и могут рассматриваться как стратегия интеграции в принимающее дальневосточное сообщество. Однако эти связи варьируются в зависимости от степени формализации — от официально зарегистрированных браков до неофициальных и «теневого» союзов. При этом мужчины-мигранты, как правило, получают в таких отношениях больше преимуществ, в то время как женщины находятся в более уязвимом положении.

Заключение

В целом можно заключить, что романтические знакомства, партнерские и брачные отношения мигрантов из стран Центральной Азии, проживающих в субъектах ДФО, выступают важным механизмом их адаптации и интеграции. Полученные нами эмпирические данные наглядно демонстрируют, что такого рода отношения формируются в самых разнообразных реальных и виртуальных пространствах.

Особую роль в этом процессе играют гибкость и адаптивность форм интимности, все чаще получают распространение нестандартные, неформальные модели отношений, не предполагающие официальной регистрации. Традиционные формы брака несколько утрачивают свою силу, уступая место более индивидуализированным и изменчивым форматам, характерным для модели пластичной

интимности. При этом отношения мигрантов из стран Центральной Азии с местными жителями выстраиваются в разных культурных системах и при разной степени включенности в локальные повседневные практики. Таким образом, романтические, партнерские и брачные отношения становятся не просто частью личной жизни мигрантов, но и индикатором их адаптации, культурной гибкости и социальной мобильности в принимающем локальном сообществе.

Литература

1. Ардалянова А. Ю., Яковлев А. И. «Каждую пятницу в мечеть ребята ходят»: религиозные практики молодых мигрантов в условиях якутской повседневности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 23–30. Текст: непосредственный.
2. Бляхер Л. Е., Леонтьева Э. О. Особенности миграционной ситуации на Дальнем Востоке и ее влияние на формирование идентичности мигрантов // Природа. Человек. Культура: материалы международного научно-просветительского форума (Кисловодск, 4–8 октября 2022 г.) / под общей редакцией С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой. Хабаровск: Изд-во Дальневост. гос. ун-та путей сообщения, 2022. С. 45–48. Текст: непосредственный.
3. Варнавский П. К. Мусульманская община Улан-Удэ в контексте взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 107–115. Текст: непосредственный.
4. Ващук А. С., Волкова Е. С. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на юге Дальнего Востока России в условиях социально-экономической трансформации: проблемы и практики коммуникации // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество (ежегодник): материалы международной научно-практической конференции (Москва, 23–24 ноября 2022 года). Москва: ИНИОН РАН, 2023. Вып. 6. С. 295–300. Текст: непосредственный.
5. Гамерман Е. В. Миграция и безопасность в Северо-Восточной Азии: политические и экономические аспекты // Международные отношения. 2020. № 2. С. 55–69. Текст: непосредственный.
6. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 304 с. Текст: непосредственный.
7. Григоричев К. В. Таджики, нерусские, гастарбайтеры и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 14–31. Текст: непосредственный.
8. Мишук С. Н. Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, № 6. С. 1028–1040. Текст: непосредственный.
9. Сердюков К. Н. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (на примере Приморского края) // Вестник университета. 2023. № 7. С. 233–240. Текст: непосредственный.
10. Сердюков К. Н., Винокурова А. В. Жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья: дальневосточный кейс // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 11–22. Текст: непосредственный.
11. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с. Текст: непосредственный.
12. Яковлев А. И. Мигранты из стран Центральной Азии на Дальнем Востоке России: проблемы адаптации и интеграции // Проблемы современного востоковедения: материалы III Международной научно-практической конференции (Минск, 29–30 июня 2023 г.) / ответственный редактор В. Р. Борового. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2023. С. 139–144. Текст: непосредственный.

13. Davis K. Intermarriage in Caste Societies. *American Anthropologist*. 1941; 43(3): 376–395. URL: <https://anthrosource.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1525/aa.1941.43.3.02a00030> (accessed: 20.03.2025).
14. Intimate Mobilities: Sexual Economies, Marriage and Migration in a Disparate World / ed. by Groes D., Fernandes N. New York: Berghahn Books, 2018. 320 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctvw04k7v> (accessed: 21.03.2025).
15. Mai N., Kin g R. Love, Sexuality and Migration. *Mobilities*. 2009; 4(3): 295–307. URL: https://www.researchgate.net/publication/233106521_Love_Sexuality_and_Migration_Mapping_the_Issues (accessed: 21.03.2025).
16. Merton R. Intermarriage and the Social Structure. *Psychiatry. Interpersonal and biological processes*. 1941; 4(3): 361–374. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00332747.1941.11022354> (accessed: 20.03.2025).

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 28.04.2025.

On Love and Beyond: Romantic Encounters, Partnership Practices, and Marriage Strategies of Migrants from Central Asia

Anna V. Vinokurova

Cand. Sci. (Sociology), A/Prof., Researcher

Far Eastern Federal University

FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia

vinokurova.av@dvfu.ru

Abstract. The article examines the main social practices characterizing romantic relationships, partnerships, and marriage strategies of migrants from Central Asia living in the Russian Far East, involving local women. The research is based on a qualitative methodology, with unstructured interviews as the primary data collection method. Statistical analysis and secondary sociological data were also utilized. The findings indicate the spread of non-traditional, flexible forms of relationships. Traditional forms of marriage are losing influence, while flexible intimacy becomes the dominant model. Relationships between migrants from Central Asian countries and local women are shaped within different cultural systems and vary according to the degree of integration into the host community.

Keywords: partnership practices, marriage strategies, intimate mobility, migration processes, foreign migrants, local community, Central Asia, Russian Far East.

For citation

Vinokurova A. V. On Love and Beyond: Romantic Encounters, Partnership Practices, and Marriage Strategies of Migrants from Central Asia. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2025; 1: 11–20 (In Russ.)

The article was submitted 20.03.2025; approved after review 22.04.2025; accepted for publication 28.04.2025.